

³¹ Исторические сведения о раскольниках... // ВЕВ. 1876. № 2. С. 45–54; № 3. С. 74–82.

³² РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1370. Л. 22.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 23

³⁵ Там же. Л. 23–24 об.

³⁶ ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1158. Л. 48 об.

³⁷ Там же. Л. 48.

³⁸ Там же. Л. 49.

³⁹ НБ УрГУ. Невьянское собр. (IV) № 117р/858. Л. 78.

⁴⁰ *Одоев А.* Реферат, читанный в общем собрании Вятского братства Святителя и Чудотворца Николая 22 декабря 1896 г. // ВЕВ. 1897. № 2. С. 48.

Д.В. Бугров

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ
РУССКОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ УТОПИИ
РУБЕЖА XIX–XX вв.**

Проблема идентификации исторического опыта и перспектив развития России на протяжении по меньшей мере трех веков постоянно привлекает внимание мыслителей и общественных деятелей, становится все более и более публично обсуждаемой. Рубеж тысячелетий с особой остротой отразил непреходящую актуальность гоголевского вопроса о том, куда несется русская «птица-тройка». В хоре голосов, отстаивающих ту или иную альтернативу грядущего, слышатся и ностальгические ноты традиционалистских тонов. Частичный ренессанс почвеннической парадигмы порожден целым рядом причин, анализ которых не является целью автора данной статьи – эти причины слишком хорошо известны. Сама же история эволюции консервативно-монархических идей заслуживает более пристального внимания – ведь они до сих пор не получили исчерпывающего освещения ни в исторической, ни в философской литературе, хотя в последние годы исследовательский интерес к консервативной теории и практике заметно возрос¹.

Среди наиболее заметных представителей этого самобытного направления отечественной социально-политической мысли рубежа XIX–XX вв., пожалуй, самое видное место занимает С.Ф. Шапаров (1856–1911) – дворянин, публицист, экономист, редактор-издатель «Русского дела», «Русского труда» и «Сеятеля». Характерно, что даже такое претен-

дующее на полноту и фундаментальность издание, как энциклопедия «Политические партии России»², не содержит какой-либо информации о деятельности человека, оставившего заметный след в острейших дискуссиях по поводу исторических перспектив и опыта страны. Нет упоминаний о С.Ф. Шарапове и в хорошо известной специалистам монографии С.А. Степанова, посвященной развитию консервативно-монархического движения в России³. Один из руководителей Московского Союза русских людей, участник (наряду с Д.Ф. Самариным и А.Г. Щербатовым) «Кружка московских дворян, верных присяге», последовательный критик проводимой С.Ю. Витте денежной реформы, безуспешно отстаивавший биметаллический стандарт рубля, имевший собственный взгляд на суть крестьянского вопроса и проблемы дворянского землевладения, автор многочисленных научных монографий и статей, публицистическихopusов, брошюр, речей и писем, литературных произведений до последнего времени оставался практически вне поля зрения историографии социально-политической истории России конца XIX – начала XX вв. Как справедливо отмечают авторы фундаментальной монографии, посвященной развитию консервативного движения в России XIX столетия, С.Ф. Шарапов оказался среди «представителей консерватизма, прежде не привлекавших внимания исследователей», хотя этот видный деятель занимал место в ряду таких известных «теоретиков консервативно-реакционной мысли», как К.П. Победоносцев, Л.А. Тихомиров, В.П. Мешерский⁴.

Между тем, масштабность фигуры С.Ф. Шарапова подтверждает тот факт, что на его смерть в 1911 г. большим некрологом, помещенным в «Русской мысли», откликнулся знаменитый либерал П.Б. Струве, которого трудно заподозрить в симпатиях к позднепочвеннической парадигме. В «Дневнике» А.С. Суворина С.Ф. Шарапов упоминается неоднократно. В ноябре 1897 г. издатель влиятельнейшей в России газеты «Новое время» встретился с министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным, выразившим солидарность со статьей Шарапова в «Русском труде»⁵. Справедливости ради отметим, что в последние десятилетия некоторые историки (Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, В.Я. Гросул, Е.А. Дудзинская, П.А. Зайончковский, Ю.Б. Соловьев) упоминают о С.Ф. Шарапове в различных контекстах, однако не подвергают детальному рассмотрению ни политические, экономические, религиозные воззрения постоянного автора «Русского труда», «Нового времени», «Русского дела», «Промышленного мира», «Руси», «Свидетеля» и других периодических изданий последних десятилетий Империи, ни его разноплановую практическую – от агротехнической до политико-организационной – деятельность. Исключение составляют опубликованные в 1990-е гг. работы М.Ю. Коня-

гина, где взгляды С.Ф. Шарапова на кредитно-финансовую систему, состояние промышленности и сельского хозяйства России и в меньшей степени его социально-политическая доктрина составляют непосредственно предмет исследования⁶.

Активисты Союза русского народа полагали себя наследниками славянофилов: «Если бы были живы апостолы славянофильства Хомяков, Аксаков и другие с одной стороны, и Катков, граф Толстой с другой стороны, то все они были бы в наших рядах»⁷. Сам С.Ф. Шарапов, по видимому, рассчитывал «не на второстепенное место сзади Аксакова и Каткова, а на почетнейшее место в русском пантеоне, наряду с великими мыслителями: Хомяковым, Константином Аксаковым, Юрием Самаринным, Данилевским»⁸.

В канун русско-турецкой войны 1877–1888 гг., когда в России наблюдался ренессанс славянофильства, С.Ф. Шарапов в полной мере разделял панславистские настроения части русского общества и пытался осуществить их на практике. В 1875 г. он отправился добровольцем в Боснию и Герцеговину, чтобы способствовать освобождению южных славян от турецкого владычества. Уже в 20-летнем возрасте проявилась одна из главных черт его беспокойной и творческой натуры – энергичная приверженность одной, навсегда избранной идее, последовательность и напористость в стремлении реализовать эту идею на практике.

С.Ф. Шарапов, размышляя над судьбами русского крестьянства, не желал ограничиться теоретическими изысканиями в библиотечной тиши и кабинетном комфорте. Стремясь достичь успехов в развитии отечественной агротехники, он основал в своем имении Сосновка Смоленской губернии мастерскую по производству оригинальных сельскохозяйственных орудий, которые сам же и конструировал. Шараповские плуги нашли спрос во многих хозяйствах и получили признание на ряде конкурсов: они были и дешевле, и надежнее плугов других производителей, поскольку их создатель учитывал специфику процесса обработки земли в различных районах Империи и разрабатывал специальные модификации своих изделий для почв конкретных местностей. Характерный факт: финансовое ведомство, нещадно критиковавшееся Шараповым за монометаллизм и политику «открытых дверей», предоставило ему крупную субсидию на развитие мастерской⁹.

Как только весной 1896 г. российское общество узнало о предстоящей денежной реформе, С.Ф. Шарапов принялся последовательно защищать концепцию золото-серебряного стандарта национальной валюты и обосновывать преимущества кредитного рубля, доказывая, что экономика страны адаптировалась к нему оптимальным образом, пос-

кольку он способствует развитию отечественных производителей, удорожая иностранные товары, и росту хлебного экспорта, внося во внешне-торговые операции элемент азарта¹⁰. По убеждению Шарапова, финансисты-реформаторы разрушили старую систему кредитно-денежного обращения, не обеспечив сельское хозяйство достаточными оборотными средствами и тем самым помешав реорганизации на новых принципах взаимоотношений между помещиками, крестьянами и государством. С его точки зрения, оптимальное решение проблемы заключалось в удовлетворении денежного голода промышленников и землевладельцев (как помещиков, так и крестьян) посредством контролируемого монархом выпуска бумажных денег. При этом Шарапов признавал, что эти деньги нуждаются в определенном металлическом фундаменте – серебряном или биметаллическом, но никак не в золотом, так как следование золотому стандарту, по его мнению, неминуемо приведет к гибельной для России зависимости ее экономики от иностранного капитала. Аргументы министерства финансов в пользу золотого стандарта (перепроизводство серебра и обвал его цены на мировом рынке) С.Ф. Шарапов и его сторонники П.В. Оль и Г.В. Бутми не принимали во внимание, т.к. полагали, что России, как стране-импортеру, придется расплачиваться золотом и за ввозимые товары, и за получаемые займы, что вызовет постоянное сокращение количества денег в национальном обороте и приведет к необходимости делать новые и новые займы, увеличивая выплату общих процентов по ним. Пытаясь предотвратить эти явления, Шарапов разработал непосредственно для бумажных денег «теорию мнимых капиталов». Главный акцент в предложенной им финансовой программе был сделан на регуляции денежного обращения. Особое внимание консервативный экономист уделял созданию и поддержанию общегосударственной кредитно-сберегательной системы, которую он характеризовал как кровеносные сосуды государственного организма. При этом Шарапов подчеркивал, что технический контроль за правильным использованием кредитов должен осуществляться квалифицированными работниками банковского аппарата, действующими в интересах государства¹¹.

В письме К.П. Победоносцеву от 22 сентября 1901 г. С.Ф. Шарапов рекомендовал могущественному обер-прокурору Святейшего Синода освободить С.Ю. Витте от руководства министерством финансов, заменив его профессором М.М. Ковалевским, П.Х. Шванебахом, 26-летним П.В. Олем. Свое мнение Шарапов сообщил Николаю II в Дармштадт, причем «получил за это высочайший выговор»¹², но от выпадов против Витте не отказался и в дальнейшем яростно боролся против него, до самой отставки последнего с поста председателя Совета министров.

Активная политическая позиция Шарапова в этот период проявилась в его деятельном участии в создании в феврале 1905 г. и дальнейшем развитии Союза русских людей – правой организации, членом исполнительного совета которой он являлся¹³. 29 июля 1905 г. в телеграмме Николаю II Шарапов пытался убедить императора в допустимости любого безопасного для режима варианта представительства. В качестве таких вариантов редактор «Русского дела» рассматривал учет мнений земских деятелей, пополнение ими Государственного совета, даже созыв Земского собора в Москве; «самый же неудачный и опасный способ», по его мнению, являл собою «созыв в космополитическом и чуждом России Петербурге народного представительства в форме постоянного хотя бы только совещательного учреждения»¹⁴. Шарапов патетически обратился к царю: «В наши дни всеобщей смуты уже самые выборы ввергнут Россию в пучину политической агитации, а собравшийся многочисленный состав выборных будет неминуемо увлечен на борьбу и в самое короткое время под давлением печати и криков интеллигенции произведет государственный переворот, как это было во Франции, и вырвет из Ваших рук скипетр самодержавия»¹⁵.

Тем не менее, полмесяца спустя, т.е. уже после появления манифеста 6 августа с известным предписанием министру внутренних дел А.Г. Булыгину, С.Ф. Шарапов с энтузиазмом отзывался о проектируемой булыгинской думе, полагая, что императору удастся мобилизовать все православное население и с его помощью ликвидировать отчуждение между властью и народом, обуздать бюрократию, происходившую, по его мнению, из рядов космополитической интеллигенции и буржуазных верхов¹⁶.

С.Ю. Витте не оставил без внимания попытки С.Ф. Шарапова воздействовать на высочайшее мнение. Не без оснований полагая, что группа консервативных деятелей (контр-адмирал А.М. Абаз, И.Л. Горемыкин, граф А.П. Игнатьев, А.С. Стишинский, Б.В. Штюмер) мастерски интригует против него, С.Ю. Витте в письме императору отметил, что упомянутые оппоненты «предпочитают действовать и распространять всякую ложь из-за кустов в петербургских гостиных и посредством преданной им прессы». Этими «литературными агентами» своих противников Витте считал С.Ф. Шарапова, В.А. Грингмута и профессора Б.В. Никольского¹⁷. Позднее, после своей отставки, Витте признал записки Шарапова, передававшиеся императору через министра двора, «очень умно написанными», а их автора квалифицировал как «человека большого таланта и довольно слабой морали»¹⁸. Показательно, что именно С.Ю. Витте в свое время испросил у Николая II аудиенцию для своего

оппонента, который с успехом продемонстрировал императору в Царском Селе свои удивительные плуги¹⁹.

Добившись долгожданного ухода С.Ю. Витте с политического Олимпа, С.Ф. Шарапов с удвоенной энергией занялся разъяснением смысла самодержавной формы правления, доказывая ее преимущества в сравнении с другими формами – республиканской и конституционно-монархической. На Третьем Всероссийском съезде русских людей, состоявшемся 2–7 октября 1906 г. в Киеве, он обозначил свое отношение к парламентаризму: «Государственная дума оказалась не государственным установлением, а сборищем бесноватых людей, разрушителей России... Ложная идея ничего дать не могла; парламентаризм отцветает и на Западе, где все стонут под его игом... Экстракт в 500 человек из 140 миллионов всегда будет абсурдом... Русское общество излечится от мечты о западноевропейских обносках». В речи по поводу закрытия съезда, С.Ф. Шарапов, благодаря киевлян за организационные хлопоты, высказал предположение, что в будущем именно Киеву суждено стать столицей России и всего славянства²⁰.

Первую русскую революцию и социальную активность пролетариата С.Ф. Шарапов квалифицировал в 1907 г. как смуту, характеризуя феномен социальной активности пролетариата следующим образом: «Пользуясь растерянностью и скудоумием власти, устраивает в России пугачевщину и готов взять за горло все, ему сопротивляющееся, все культурное, спокойное, просвещенное. При этом полное отсутствие какого бы то ни было намека на патриотизм, стремление к неслыханному самовластию...»²¹.

Наиболее отчетливое отражение его взгляды нашли в работе «Самодержавие или конституция», изданной в 1908 г. в стародавней славяно-фильской цитадели – Москве. Тем самым С.Ф. Шарапов перенял эстафету у таких видных идеологов монархизма, как Л.А. Тихомиров, выпустивший в 1905 г. в Москве знаменитую «Монархическую государственность», и Г.А. Щечков, опубликовавший в 1906 в Харькове свою «Сущность самодержавия».

На V съезде Объединенного дворянства, проходившем в феврале 1909 г., С.Ф. Шарапов взволнованно критиковал реформаторский курс правительства П.А. Столыпина: «Я живу в типичной местности средней России и замечаю вокруг себя понижение благосостояния в ужасающих размерах... Достаточно проехать по российским железным дорогам из конца в конец и посмотреть просто бегло на внешний вид деревень... Падение является страшными признаками, и в это время говорят о благосостоянии неимущей страны»²². Главного виновника этого вырожде-

ния Шарапов видел все в том же поверженном правыми Витте, который, по его убеждению, способствовал нарастанию экономических диспропорций и модернизационных деформаций, поскольку «чрезвычайно широко раздул промышленность, поднял громадные отрасли, вызвал огромные цифры производства, бросил население с земледелия в каменно-угольные шахты и на фабрики, развил всевозможные виды промышленности»²³. Отметив, что «слишком поредели ряды дворянства, слишком плохо эти ряды пополняются», Шарапов обозначил перспективу дворянства так: «Дворянство должно привлекать к себе все, что является выдающимся среди населения по своим талантам, по своим способностям, но главное – по нравственной высоте своей работы». Сложилась парадоксальная ситуация: «в некоторых уездах... дворянство есть единица захудалая, едва держащаяся, которая поглощена борьбой за существование настолько, что у нее на общественное дело не хватает ни времени, ни средств», тогда как «рядом с этим мы видим частных владельцев из других сословий, которые стоят на высоте, производят огромную работу, но по своим ограниченным правам эти господа лишены возможности быть на той высоте, на которой бы им быть надлежало». Для исправления положения Шарапов предложил ограничить приток в дворянское сословие выходцев из бюрократических структур и предоставить местным дворянским обществам право, «находя среди жителей своего уезда людей, резко выделившихся своими бескорыстными заботами о благе населения», ходатайствовать о пожаловании их дворянским званием²⁴.

Будучи одаренным публицистом, С.Ф. Шарапов не мог не попробовать свои силы в литературе. Он, как и многие его современники (в т.ч. и из числа политических оппонентов), обратился к жанру социокультурной утопии и с помощью утопических конструкций попытался систематизировать и завершить свои представления об идеальном государстве, о наиболее приемлемом для России историческом пути, о перспективах монархии и православия в огромной стране. Этот аспект деятельности Шарапова, лишь в малой степени известный даже специалистам – как историкам, так и литературоведам, и философам – требует детального рассмотрения и уточнения, ибо анализ утопий, рожденных фантазией незаурядной личности, позволяет оценить всю масштабность неославянофильской парадигмы с присущими ей притягательностью для русского сознания и противоречивостью практических рекомендаций. Из под пера С.Ф. Шарапова в 1902–1909 гг. вышло пять произведений, причем лишь первое было опубликовано в его многотомных Сочинениях, издававшихся в 1900–1904 гг., остальные четыре книги вышли под псевдонимом Л. Семенов²⁵. И хотя сам автор претенциозно называл

свои творения романами, небольшой объем (от 30 до 80 страниц) позволяет, скорее, считать их повестями либо даже рассказами.

Наибольшую ценность для реконструкции неославянофильского социально-политического идеала представляет первый из упомянутых выше «романов» – «Через полвека», увидевший свет в 1902 г. и содержащий своеобразный консервативно-монархический ответ на вызов американского социалиста Э. Беллами, эпатировавшего и заинтриговавшего российскую интеллигенцию в 1888 г. своим утопическим романом «Через сто лет» (так роман именовался в русском переводе, англоязычный же оригинал носил иное название – «Взгляд в прошлое» или «Взгляд назад»). Произведение Беллами было необыкновенно популярно в России; по свидетельствам современников, его роман стал настольной книгой русских революционеров – наряду с «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, «Оводом» Э. Войнич, «Спартак» Р. Джованьоли²⁶. Шарапов спешил предупредить наступление социалистического «будущего по Беллами» (потому-то его литературный проект переносит читателя не на 100, а на 50 лет вперед) и искренне обозначил свою цель: «Я хотел в фантастической и, следовательно, довольно безответственной форме дать читателю практический свод славянофильских мечтаний и идеалов, изобразить нашу политическую и общественную программу как бы осуществленную. Это служило для нее своего рода проверкой. Если программа верна, то в романе чепухи не получится... Я хотел только показать, что могло бы быть, если бы славянофильские воззрения стали руководящими в обществе и правящих сферах»²⁷.

Погрузившись 25 июля 1899 г. при помощи молодого ученого-индуса в излюбленное состояние большинства русских утопистов – сон, герой романа Шарапова проснулся 7 октября 1951 г., «пролежав пятьдесят один год и два месяца под землей на кладбище одного из московских монастырей»²⁸. Открывая для себя Россию будущего, герой знакомится с тем, что же произошло на российских просторах за время его глубокого сна. Он выяснил, что в начале XX века страна пережила депрессивный период, связанный с усилившейся бюрократической реакцией против земства: земские органы сначала устранили, а затем ввели вместо них административные советы из лиц, назначаемых губернаторами. Следствием этого стало «удушьё неслыханное», парализовавшее жизнь провинции и обозначившее конец петербургского периода русской истории. Зарубежные олигархи-космополиты, и в первую очередь Ротшильд, «в руках которого фактически находился регулятор государственного кредита России», воспользовались кризисной ситуацией в Империи и, используя рычаги финансового давления, добились отмены черты еврей-

ской оседлости. Евреям было разрешено «покупать земли в селениях, сначала в ограниченном размере и по особому разрешению местных властей, затем без всякого ограничения», они получили возможность свободно поступать в высшие учебные заведения, служить в армии на офицерских должностях, переполнили университеты и юнкерские училища, «стремительно расселились по России, скупая дома, земли, основывая фабрики, заводы, газеты, агентства и конторы»²⁹. Ответом на эту экспансию стало «народное возбуждение», выражавшееся в погромах и прочих беспорядках. В 1922 г. несколько высших чинов генерального штаба (как легко догадаться, далеко не русского происхождения) были уличены в шпионаже в пользу иностранных держав и казнены. В 1924 г. правительству пришлось издать «распоряжение, в силу которого евреи впредь не должны были иметь доступа в главный штаб, артиллерию и инженерные войска». Европа протестовала против возврата к дискриминации по национальному признаку в России, но «кроткий и незлобивый русский народ был раздражен до такой степени еврейской эксплуатацией, что доходил в отдельных случаях до неслыханных зверств». Центральная власть оказалась не в силах «справиться с обострившимся до последних пределов еврейским вопросом». Лишь великая финансовая катастрофа, разразившаяся во второй половине 1920-х гг. и освободившая Россию от диктата иностранных биржевых кругов, остановила надвигавшийся крах и способствовала национальному возрождению русского народа³⁰.

И все-таки возрождение России состоялось, и именно из провинции пришло спасение – в лице гениального Федота Пантелеева, назначенного министром внутренних дел. Этот «простой маленький дворянин, совершенно незнатный», родом из Самарской губернии, провел впечатляющую реорганизацию государственной жизни. Реформы, инициированные им, возродили Россию. Как оказалось, «довольно было с высоты Престола раздаться давно желанному призывному, живому и бодрящему слову, чтобы все сразу ожило». «Восстановление прихода, воскрешение органической жизни на месте мертвого бюрократического механизма, – так определяет Шарапов результат прогнозируемого преобразования страны. – Оживший приход дал новую жизнь земству; а раз земство ожило, обновилась и вся жизнь в России». Торжество «национальных начал и консерватизма» привело к безоговорочному поражению «космополитов, либералов и гуманистов»³¹.

«Россия для русских» – по мнению автора «Через полвека», этот лозунг, восторжествовавший к середине XX столетия, означал, что «историческая дорога наша – не что иное, как гармоническое сочетание самодержавия и самоуправления»³².

Принцип самоуправления, по мнению Шарапова, должен найти оптимальное воплощение в деятельности обновленного церковного прихода, который, еще в 1910 г. став низшей земской и городской единицей, со временем превратился в подлинный фундамент общества. В приходских домах регулярно проводятся собрания, священники являются выборными – ими согласно воле прихожан становятся самые ученые, образованные и авторитетные члены общества. Именно приходу подчиняется местная полиция. Повсеместно открываются приходские склады, мастерские, магазины, через приходскую казну финансируются мероприятия по развитию управляемой приходом территории и осуществляется кредитование населения. «Металлические деньги лет двадцать как вышли из употребления вовсе. Их теперь нет нигде, разве в музеях, – рассказывает житель Москвы середины XX в. – Теперь даже и бумажные деньги становятся редкостью. У каждого из нас есть открытый счет в приходской казне, а в кармане – чековая книжка»³³.

Помимо священника, важную роль в жизни прихода как органа самоуправления играют приходской голова и приходские уполномоченные, избираемые независимо от своей сословной принадлежности. К примеру, в том приходе, с деятельностью которого ознакомился герой Шарапова, священник был крестьянином, владевшим столярной мастерской, дьякон – «родовитым князем и даже Рюриковичем», голова – уездным предводителем дворянства, переехавшим в Москву. Местное самоуправление осуществляется на принципах всесословности, но Шарапов по понятным причинам особое внимание уделяет трансформации, произошедшей с дворянством: «Теперь дворянство не высидишь в канцелярии – это время прошло. Теперь дворянство дается лишь за действительные заслуги Царю и Родине, а не за продырявление казенных стульев». Чины, введенные Петром I, отменены; упразднены баронства и графства, поскольку печальный опыт предшествовавшего времени показал, что их скупили те же инородцы и иностранцы. Зато восстановлено боярство – почетный боярский титул дается самым авторитетным дворянам и означает высшую степень государственного и общественного признания³⁴.

Приходская реформа сопровождалась восстановлением земства. Уездное земство организуется из выборных от приходов и управляет уездом. Восстановлено и «древнее каноническое избрание епископов», в каждом уезде учреждена епископская кафедра. «Церковное управление само собою слилось с земским, – отмечает Шарапов. – Уезд стал епархией, земское собрание – епархиальным советом». Губернии упразднены: «При огромности, прямо необъятной, русской территории, чтобы Госу-

дарь мог во всей силе и полноте проявлять свою самодержавную власть, ему можно иметь дело лишь с очень крупными земскими единицами, и такую единицей была принята *область*». Во главе области стоит областной начальник или наместник, непосредственно назначаемый верховной властью. В полной независимости от него находится другое влиятельное лицо – областной предводитель дворянства, избранный уездными дворянскими предводителями. Наместник и предводитель дворянства «по всем делам области докладывают Государю совместно». Областной предводитель дворянства, помимо этого, является еще «по праву председателем областного земского собрания, которое состоит из гласных, выбранных уездными земствами по одному от уезда, и из всех уездных предводителей дворянства». Существует и областная дума – исполнительный орган, ответственный перед областным земским собранием и наместником. Одним из членов думы по должности становится областной митрополит, который может быть приглашен к Императору для «общего доклада» с наместником и областным предводителем дворянства³⁵.

Верховное управление Империей осуществляют четыре «главных органа царской самодержавной власти»: Государственный Совет как орган законодательный (половину его состава образуют представители областей), рассматривающий все вопросы, за исключением экономических и финансовых; Народнохозяйственный Совет, в ведении которого находится финансово-экономическая жизнь страны; Сенат как административный орган, имеющий «задачей наблюдение над точным и неуклонным повсюду и всеми соблюдением закона»; Верховный Кассационный Суд – судебный орган. Исполнительную власть обеспечивают управления (термин «министерство» упразднен как ассоциирующийся с бюрократическим прошлым). Большая Казна унаследовала функции Государственного Банка (ее отделения на местах вытеснили все частные банки), Державная Казна – функции министерства финансов. Счетная Палата, Управление Государственной Безопасности, управления земледелия, промышленности и торговли, наук и искусств, путей сообщения, почт, телеграфов и телефонов, народного здоровья, государственных имуществ и предприятий, а также военное, морское и внешних сношений – все эти структуры эффективно справляются со своими обязанностями³⁶.

«Самодержавие в его истинном *свободном* виде недробимо и неделимо, – делает вывод С.Ф.Шарапов. – Следовательно, Государь не может и не должен быть только вершиною бюрократической пирамиды. Он Самодержец, а не глава бюрократии. Под ним не *механизм* бумажного управления с передачей власти из рук в руки, но ряд живых *организмов* – самоуправляющиеся по данному им закону области... Мы признаем

только *личное* самодержавие Царя, он один выше закона, все остальные подзаконны»³⁷.

Характерно, что в обществе будущего не существует ни гимназий, ни институтов, ни университетов. Начальное обучение является домашним: «родители соединяются в кружки и приглашают к детям учителей по своему вкусу и выбору; затем те, кто желает учиться, ходит на приходские курсы», получая среднее образование. Существуют и высшие курсы, но все дипломы отменены: «Любой, мужчина или женщина, может вполне свободно учить, лечить, защищать на суде... Да кто же решится лечить, не зная медицины? Ведь за всякое шарлатанство установлена строжайшая ответственность! А если кто-нибудь лечит и лечит успешно, народ к нему идет, жалоб никто не заявляет, – так с какой же стати власть будет вмешиваться?». Отметим, что буквально на следующей странице Шарапов сам себе противоречит: оказывается, чтобы занять место городского, земского или приходского врача, а также адвоката или преподавателя, соискатель «должен выдержать экзамен, и притом очень строгий»³⁸.

Интересны суждения Шарапова об ответственности за печатное слово: «Книга, брошюра бесцензурна и совершенно свободна. Газета совсем другое дело. Газета есть общественная кафедра, есть формальная *власть*. На эту кафедру нельзя пускать первого встречного. Это *общественная должность*, а не частная профессия. Вот почему здесь требуется такой же публичный экзамен, как и для других общественных специальных служб»³⁹.

Остро стоявший на рубеже XIX–XX вв. женский вопрос также разрешен в России будущего – разумеется, в духе традиционных ценностей и христианского благонравия. Вот что говорит герою «хорошенькая блондинка»: «Женский вопрос у нас заключается в том, чтобы честно и умело отдать свою руку и сердце порядочному человеку, не ошибиться в выборе и его не обмануть». Разводы даются юридически легко – «брак расторгает духовная власть по данным, добытым светским судом», но бракоразводные процессы являются большой редкостью⁴⁰.

В условиях, когда финансовые потрясения на Западе сделали Россию практически независимой от обязательств перед иностранным капиталом, реорганизация прихода означала нечто большее, чем просто удачную административную реформу. Обновленный приход восстановил соборность русского народа: «тесно сплоченная православная организация в лице бесчисленных церковных общин» стала противовесом «всемогушему еврейскому кагалу». Обозначился перелом в «культурной борьбе» русского народа с чуждым влиянием; обретшие утраченную было пассионарность русские люди продемонстрировали всем национальным

меньшинствам, всем этноконфессиональным группам истинный путь к величию и гармонии. Иудеи, мусульмане, протестанты, католики, вольно или невольно признавшие торжество «русского пути», стали массово переходить в православие. Альтернативой могла быть только эмиграция; иные варианты оказались невозможными благодаря мирному выдавливанию нерусских (читай – неправославных) элементов из хозяйственной жизни. Этот экономический прессинг выражался в двух формах: посредством четко организованного специально созданной в 1939 г. патриотической газетой «Святая Русь» бойкота производимых и продаваемых ими товаров, а также с помощью адресно выверенной приходской кредитной политики⁴¹.

Герой Шарапова знакомится с представленными на поместном соборе епископов Московской области проектами решения вопроса об инородцах. Один из предложенных вариантов предлагает допускать до крещения только тех из числа неправославных, «искренность обращения коих будет засвидетельствована приходским собранием уполномоченных и притом не ранее, как через пять лет после заявленного о том ходатайства». В этом случае вся полнота прав членов прихода должна распространяться лишь на детей новообращенных христиан. Другая редакция законопроекта требовала от принимающих православную веру инородцев поручительства двух третей приходского общества⁴². В лоно обновленной русской православной церкви влились такие ее бывшие противники, как старообрядцы и поляки. Окончание церковного раскола и православизация Польши утвердили триумф идеи соборного единства России⁴³.

В 1930-е гг. Россия осуществила свою трехвековую мечту и овладела Константинополем, который, вслед за Киевом, Москвой и Петербургом, стал четвертой столицей великого государства. Характерно, что резиденцией имперского правительства является именно Киев, где находится и патриаршая кафедра. В состав России вошли Чехия, Венгрия, Болгария, Сербо-Хорватия, Румыния, Греция. До того европейские страны «во главе с Германией» разделили Китай; Россия заняла в отношении Китая позицию дружественного нейтралитета, тайно разрешив своим офицерам помогать китайцам в их антиколониальной борьбе. Внешнеполитическая ситуация завершилась военным конфликтом: Россия и Франция победили Германию и Австро-Венгрию. Англия воздержалась от каких-либо действий; к России отошла вся территория бывшей Речи Посполитой, Франция же получила Эльзас и Лотарингию⁴⁴.

Шарапов, выполнивший, по собственному признанию, «почти треть намеченного», так и оставил свой роман незавершенным – и уже

хотя бы поэтому уступил в битве за создание панорамы грядущего ненавистному американцу Беллами, который, словно предвидя, какой резонанс вызовет издание в Петербурге его книги «Через сто лет», миролюбиво подытожил в предисловии, написанном будто бы в 2000 г.: «Мне кажется, что для смелых гаданий о человеческом развитии в последующее тысячелетие нигде не найдется более прочной основы, как в ретроспективном взгляде на прогресс последнего столетия»⁴⁵.

Другой вариант исторического пути России к подлинному монархическому идеалу представлен в творчестве одного из заметнейших деятелей белого движения – генерала П.Н. Краснова (1869–1947 гг.).

В 1921 г. бывший донской войсковой атаман развил необычайную организаторскую активность в эмигрантской среде и заявил от имени казачества, что оно будет бороться за восстановление монархии в России и энергично потребовал подчинения себе всех войсковых атаманов и роспуска Объединенного совета казачьих войск. Этот ультиматум был не случаен – ведь и Объединенный совет, и атаманы полагали, что право сделать политический выбор остается за всем русским народом, и весьма сдержанно относились к идее участия казачества в установлении республики либо монархии в России⁴⁶.

Еще в 1920 г. П.Н. Краснов предложил эвакуировать казаков в славянские страны и там начать готовить новый антибольшевистский поход на Дон, Кубань и Терек. Осенью же 1921 г. этот план был подкорректирован: живший с февраля 1919 г. в Германии Краснов обратился к казакам, призвав их организовывать по месту жительства в эмиграции станицы и хутора. Казаки откликнулись на этот призыв и стали переименовывать свои колонии в хутора, выбирать атаманов и реанимировать привычную военную организацию. Другая идея Краснова, получившая достаточно широкое хождение, заключалась в том, чтобы просить власти США обеспечить казаков сельскохозяйственными орудиями и инвентарем, а затем помочь им вернуться на Родину, где большевистский режим, находившийся в удушающих объятиях экономического кризиса, не посмеет расправиться с репатриантами. Тот факт, что оказавшееся вдали от родной земли казачество с энтузиазмом воспринимало инициативу Краснова, находит подтверждение в создании в декабре 1921 г. в Белграде, а в 1922 г. в Венгрии станиц, носивших имя этого генерала⁴⁷.

Однако энергичный П.Н. Краснов не ограничивался лишь работой с казаками – в том же 1921 г. он вместе с герцогом Г.Н. Лейхтенбергским и публицистом С.А. Соколовым-Кречетовым основал «Братство русской правды», действовавшее с одобрения великого князя Николая Николаевича и с благословения митрополита Антония (Храповицкого)⁴⁸.

Примечательно, что боевой генерал, прошедший фронты Первой мировой и гражданской войн, занявший непримиримую позицию в борьбе с большевизмом, испытал свои силы и на фронте литературном. Помимо обращений, воззваний, публичных выступлений и писем, взгляды и идеалы П.Н. Краснова чрезвычайно ярко характеризует фантастический роман «За чертополохом», который он написал в Вальдфридене под Дроссеном с июля по ноябрь 1921 г. Текст романа, являющегося образцовым произведением монархической социокультурной утопии, представляет большой интерес для исторической науки, в определенной степени – даже источниковедческую ценность, поскольку отражает не только политические пристрастия одного из предводителей белой эмиграции, но и позволяет проследить то, как патриотично настроенный автор стремился обосновать свое видение перспектив развития России и мира, дает возможность судить о степени его искренности и помогает осознать трагичность дальнейшего жизненного пути генерала, вместе с частью «старой эмиграции» запутавшегося в противоречивых перипетиях борьбы с большевизмом. Долгое время роман оставался вне поля зрения как историков, так и литературоведов (в советское время – ввиду его недоступности исследователям, а для узкого круга лиц, имевших доступ к запрещенной литературе – в силу небезопасности обращения к этому антикоммунистическому произведению, в постсоветское время – по той простой причине, что забытый двухтомный опус Краснова-писателя слишком литературен для историков и чересчур историчен для филологов). В 1990-е гг. в ряде журналов («Родина» и др.) публиковались лишь отдельные фрагменты романа; переизданный же в 2002 г. полный текст изобилует техническими погрешностями и снабжен чересчур апологетическим предисловием Б. Галенина – при этом издатели не нашли ничего лучшего, чем на 1-й странице обложки объявить крик души Краснова... «романом-фэнтези»!⁴⁹.

Восполнить имеющийся пробел и подвергнуть анализу утопические построения видного монархиста целесообразно, используя переработанное и дополненное автором 2-е издание, увидевшее свет в Риге в 1928–1929 гг.⁵⁰

Действие романа происходит во 2-й половине XX века в России, которая к этому времени является для Европы загадочной «terra incognita», чьи границы непроницаемо защищены плотной стеной гигантского чертополоха – он буйно разросся на земле, обильно удобренной телами сотен тысяч красноармейцев, погибших при безрассудной попытке большевистского руководства прорваться в Европу и устроить там революцию. Одну шестую часть суши, некогда занимаемую великой

страной, европейские картографы закрасили черным цветом и написали поверх красной краской страшное слово «чума». Сама же Европа (а отчасти и Америка) к 19** г. испытывает социальные катаклизмы и экономические потрясения, связанные с растлевающим влиянием «слуг Третьего Интернационала», падением нравственности, издержками демократической формы правления и всесилившим золотым тельцем. Отчаянная попытка нескольких смельчаков (германские подданные русского происхождения, а также немец, немка и американка) пробиться на восток сквозь чертополох увенчалась успехом. Ошеломленные путешественники обнаруживают в бывшей России – Россию новую, могучую, процветающую, живущую в полной гармонии с разумом, Богом и природой. Чудом спасшийся в Тибете Всеволод Романов, сын великого князя Михаила Александровича, восстановил монархию в России, пережившей ужасы анархо-большевистского хаоса и спасшейся верой в истинного Бога и покаянием.

Следует отметить, что П.Н. Краснов разделяет известный тезис о некой противоречивости, внутренне присущей России: «Русь – двулика, и в этом отличие ее от Запада». Одна Русь – пьяная, грязная, хамская, «та Русь – отчаянная и отчаявшаяся, та Русь – никчемная, гнилая, трухлявая, сегодня отречется в угоду царям от своей веры, завтра пойдет за кем угодно, послезавтра и Бога оставит». Другая Русь – прекрасная, нарядная, сильная, богатырская, создавшая «Слово о полку Игореве», строившая кремли и храмы. В борьбе между той и другой сущностью – удел России, но, как оптимистически замечает герой Краснова, «Русь благородная всегда в конце концов побеждала»⁵¹. Победила она и на этот раз – теперь уже окончательно, навсегда. Император Михаил II Всеволодович уже готов вырубить чертополох и послать непобедимые воздушные армии в Европу, дабы спасти погрязшие в мерзости социальной розни западные народы, передать им рецепт построения гармоничного, бесконфликтного, здорового общества.

Не вдаваясь в подробности сюжетной линии, сосредоточимся на характеристике социально-политического устройства великой России по Краснову, проанализируем своеобразную программу переустройства государства и общества, предложенную генералом, в изгнании размышлявшем о судьбах России.

Политические партии и движения в этой идеальной стране отсутствуют: «в России заниматься политикой – так же неприлично, как заниматься воровством, спекуляцией или содержать банк или игорный дом». Кооперативы, акционерные общества и банки отсутствуют. Зато повсеместно существуют и развиваются частные и семейные торговые

дома, предприятия, а также артели. При этом хозяйствующие субъекты получают мощную поддержку (кредиты, субсидии, целевое финансирование) Государственного банка, филиалы которого имеются везде, где есть почтовые отделения, т.е. в каждой деревне. Державой управляет Император, которому помогают патриарх и боярская дума. В составе последней «только 10 человек, вдумчивых специалистов своего дела, а не сотни говорунов». Думные бояре возглавляют разряды морских и воздушных дел; иноземных дел; торговли и промыслов; «правосудия; железных, каменных дорог и шляхов»; «народного управления землеустройства, коневодства, скотоводства и правильной охоты»⁵².

Количество чиновников в центральном аппарате управления очень невелико, т.к. «имперские отделы» лишь «сводят сметы расходов и доходов» (т.е. составляют бюджет и следят за его исполнением), получают «средства на содержание двора, высших школ, войска и высшего духовенства», а все остальные вопросы в основном решаются на местах: в воеводствах – воеводами, на Украине – гетманом, на Дону и Кубани – казачьими атаманами, на Кавказе – советом горских народов, возглавляемым наместником. За местными органами власти наблюдают «особые проверочные отряды ближних бояр», которые докладывают Императору о положении дел в провинции и судят о компетентности воевод «по самой жизни: люди сыты, хорошо одеты, болезней нет, чистота, довольство, просвещение и ладно». Всюду проводится «одна мысль: в здоровом теле – здоровый дух». Воеводство учреждается там, где проживает не менее 100 тысяч человек; организация местного управления строится методом назначения нижестоящих чинов вышестоящими: воевода назначает десятитысячных начальников, те – тысяченачальников, которые, в свою очередь, определяют пятисотенных, далее – сотенных голов. Только десятские в этой системе являются выборными от десятков поданных государя»⁵³.

Чиновникам чужды бумажная волокита, канцеляризм и взяточничество. «Или земля и собственность, или власть» – каждый государственный служащий находится на полном казенном обеспечении и считается сделавшим осознанный выбор в пользу власти при добровольном отказе от собственности: «Те, кто имеет землю и собственность, не может начальствовать над другими»⁵⁴.

Главным богатством России являются земля и хлеб; зерно производится в изобилии, русские леса, поля и воды богаты рыбой, птицей, зверем. Это природное достояние охраняется строгими «охотничьими законами» и неподкупной стражей. Лишить Россию ее богатств невозможно. Тем не менее на случай чрезвычайной ситуации в каждом уезде

и волости имеется хранилище с запасами провизии и одежды на все население из расчета потребности на целых 10 лет. Нигде нет нищих – «все разобраны: кто по родным, кто по церковным приходам, кто по монастырям». В распоряжении каждого начальника «есть особая сумма для того, чтобы помогать тем людям, которым никто не может помочь». В свободном обществе отсутствует прописка, а полиция занимается главным образом оказанием помощи людям, попавшим в беду⁵⁵.

Определенную проблему представляет выработавшаяся в русском народе за годы лишений ксенофобия – следствие того, что страны Запада и Третий Интернационал в свое время причинили стране много зла. Император и его окружение стремятся помочь людям преодолеть этот страх: «Лишь долгим христианским воспитанием нам удастся уничтожить понемногу ненависть к тем, кто так унижал русский народ». Наряду с религиозным воспитанием изжить прежние фобии призвано образование – обязательное и платное. Первая ступень – 4-хклассные школы, которые имеются в каждой деревне. Вторую ступень составляет средняя специальная школа, с раздельным обучением мальчиков и девочек, дающая юным россиянам практические знания и профессиональные навыки. В частности, в императорском женском училище для девиц служилых людей преподаются: «Закон Божий, русский язык, русская история, землеведение Российской Империи, домоводство, садоводство, огородничество, птицеводство, скотоводство, лечение детей, лечение животных, искусство печное и яственное, заготовление впрок припасов, шитье и кройка, воспитание детей». Самых одаренных юношей и девушек ожидает государственная высшая школа⁵⁶.

Огромную роль в воспитании молодого поколения с 19 до 21 года играет армия – «школа духа», основанная на принципе воинской повинности. Отслужившие в армии начинают профессиональную деятельность в условиях равного старта: «Каждый юноша, по отбытии воинской повинности, посвящает себя труду с низших степеней и может – если он талантлив и усерден – очень быстро добиться высших». У нас равенство людей перед законом, – поясняет пришельцам крупный сановник, – но мы никогда не приравняем убогого дурачка человеку таланта». Государственная опека является глубинной причиной расцвета наук: «ученый попадает под покровительство царской власти и с него снимаются заботы земного существования – его мозг свободен для высших дум». Точно так же государство опекает и семью, поощряя браки и покровительствуя детям⁵⁷.

В совершенном обществе преступность сведена к минимуму. Тюрем нет, вместо них имеются «рабочие дома», где лица, совершившие

незначительные правонарушения, не отбывают, а отработывают наказание (своеобразный трудовой штраф). За тяжелые проступки (воровство, убийство, несоблюдение законов) полагается каторга. Смертная казнь отменена, «убийца должен до самой смерти своей посылать наследникам убитого определенную, все повышающуюся сумму». Физическая смерть за тяжелые преступления заменена смертью социальной: преступники «изъяты из общества», «не приравняются к честному рабочему человеку» и вообще «лишаются прав быть русскими». Подданным императора дарованы «полная свобода, незнаемая в демократической Европе, для добрых дел и жестокая узда для злых»⁵⁸.

Самодержавие, православие и собственность, нажитая праведным трудом – вот триада, на которой основывается Россия как Евразия, «где обожествленная воля одного лица заставляет прилежно трудиться всех верноподданных», где лучшие черты Запада (рационализм, трудолюбие) сочетаются с восточной духовностью, чей народ на горьком опыте убедился в том, что «христианство – сила созидательная, социализм – сила разрушительная». В великолепных храмах бок о бок, плечом к плечу молятся и ветераны белого движения, и бывшие красноармейцы Буденного. Все покаются – и все прощены, более того – вознаграждены национально-гражданским согласием⁵⁹.

Безусловно, П.Н. Краснов, сын казачьего генерала и сам генерал, радевший о судьбе оторванных от родины казаков, не мог не определить ту роль, какую в идеальной России конца XX столетия играет Тихий Дон. Хотя герои романа не побывали на Дону, по всему тексту романа разбросаны упоминания о донском казачестве: казаки – опора престола – живут в 100 раз богаче, чем другие жители изобильной России. Казачий дух не угасает: «Здравствуй, Царь, в кременной Москве, а мы казаки на Тихом Дону!»⁶⁰. Именно казачья организация становится для Краснова фундаментом построения новой российской государственности (вспомним десятских, сотенных, пятисотенных и т.д.). Наконец, преимущественно для того, чтобы сохранить казацко-крестьянскую основу идеальной России, чтобы не допустить возрождения «хамской и подлой» Руси, которое для автора романа ассоциируется с появлением масс пролетариата, Император и принимает решение о походе в Европу. Русская промышленность процветает, занятые в ней – как фабриканты, так и наемные рабочие – едины в православно-христианском энтузиазме, на котором строится поощряемый государством трудовой патриотизм. «Наши фабрики и заводы не похожи на фабрики прошлого или на фабрики Запада, – устами жительницы великой России с гордостью рассказывает Краснов. – Фабрики разбросаны среди природы, у каждого рабочего

есть свой кусочек земли, свой сад, огород, животные. Рабочих случайных, бродяг, пролетариата у нас нет». Но несмотря на то, что все рабочие в новой России имеют земельные участки и в той или иной мере являются собственниками, а значит не подвержены угрозе пролетаризации, смутное ощущение потенциальной опасности, «призрак коммунизма» не дает покоя ни Краснову, ни Императору. Рабочая среда не идентифицируется Красновым с традицией, с национальной «почвой», а население цветущей России множится с небывалой быстротой – и поэтому, как признается крупный русский ученый-химик немецкому гостю, «наши фабрики и заводы не успевают снабжать народ всем необходимым». «Развивать у себя заводскую промышленность в ущерб сельскому хозяйству не в наших расчетах, – поясняет он далее. – Мы хотим провести разделение труда и дать вашим рабочим работать на нас за наш хлеб и другие продукты земли»⁶¹. Партнерское взаимодействие с Европой (разумеется, когда она усилиями православного воинства станет дружественной Императору) необходимо России для того, чтобы сберечь национальные традиции, вековые устои, которые спасли страну и народ после революционной катастрофы, испытанные временем ценности – Землю и Хлеб.

Написанное неплохим литературным языком, не лишенное сюжетных противоречий и умолчаний, снабженное любовной линией (для «удобства» читателя) наивное романтически-искреннее повествование П.Н. Краснова представляется вполне аутентичным его политическим взглядам. На страницах романа разворачивается панорама той России, за которую боролся донской патриот, на склоне жизни пришедший к мысли о невозможности победы над большевизмом без сотрудничества с гитлеровским режимом и вновь окунувшийся в атмосферу кровавой борьбы «брата на брата».

Эта борьба России светлой с Россией темной для Краснова завершилась поддержкой уродливейшей разновидности тоталитаризма. Союз с нацистским чудовищем дался генералу нелегко. За 20 лет до нового германского нашествия на Россию фантазия автора, заглянувшего в конец XX века, породила интересный эпизод. Пройдя заросли чертополоха, отважные путешественники, влекомые к неведомой родной для большинства из них земле, два дня шли по пустынному, но живому лесу, прежде чем обнаружили следы обитателей новой России. Немецкий профессор, глядя вокруг, радостно говорит: «Мы открыли новую землю, богатую землю, но землю пустую. Нам нужно возможно скорее вернуться домой и снаряжать экспедицию для колонизации этого чудного края... Сто лет тому назад мы, немцы, говорили, что славяне – это навоз

для германской расы. Они сыграли роль этого навоза. Поля утучнены кровавыми жертвами, земля отдохнула и стала девственно плодородной. Германскому народу пора приступить к ее обработке». Главный герой романа потрясен: «Его отец, его дед, Тургенев, Лев Толстой, Чайковский, Глинка, Репин и Маковский, Менделеев, Серафим Саровский – навоз для германского племени!.. Зачем, зачем являлся таинственный призрак ему и манил, и звал его на восток? Чтобы увидеть торжество иноземцев, чтобы услышать чужую речь там, где должна была звучать родная русская речь?»⁶².

Возможно, два десятилетия спустя Краснов, ставший заложником своих противоречивых устремлений, задавал этот вопрос самому себе.

Вариант «русского пути», предложенный белым генералом, отличался от проекта, представленного дворянским публицистом. П.Н. Краснову единственно возможным виделся военно-казачий фундамент грядущей России, в то время как С.Ф. Шарапов настаивал на обновлении церковного прихода как основы всех основ – и духовной, и социально-политической, и экономической. Эту разницу предопределили не только различия в происхождении, опыте, темпераменте обоих авторов, но и целая эпоха, разделившая их произведения. Между 1902 и 1921 гг. лежит огромная историческая дистанция, вместившая в себя 3 революции и 2 войны (мировую и гражданскую). Наконец, не похожи и судьбы авторов – если С.Ф. Шарапов в 1911 г. умер *не выигравшим*, то П.Н. Краснов и в 1921, и в 1947 г. остался *проигравшим*...

Завершая анализ взглядов двух ярких консервативных утопистов, следует подчеркнуть, что их романы явились развитием практически забытых сейчас произведений, авторы которых отстаивали в XVIII–XX вв. традиционные ценности, защищали идеал сильной монархической России. Каждому из них по-своему близка и дорога была овечья благодатью страна, увиденная Красновым так: «Великая, единая и неделимая, с большою самостоятельностью своих областей – как неразделенная семья с женатыми и замужними детьми, живущими каждый своим домом, но на общем дворе, собирающаяся на общий семейный совет и слушающая своих стариков»⁶³.

Под этим образом Русской Утопии могли бы подписаться такие не похожие друг на друга авторы, как А.П. Сумароков и М.М. Щербатов, Ф.А. Эмин и М.М. Херасков, Ф.В. Булгарин и В.Ф. Одоевский, А.И. Красницкий и Н.Н. Шелонский, а также многие другие создатели повестей и романов, оказавшихся не востребованными ныне, на изломе тысячелетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Консерватизм в России. «Круглый стол» // Социологические исследования. 1993. №1; Российские консерваторы. М., 1997; Гусев В.А. Консервативная русская политическая мысль. Тверь, 1997; Пушкин С.Н. Историософия русского консерватизма XIX века. Нижний Новгород, 1998; Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999; Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма. М., 1999; Гросул И.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацлло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000; Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения. «Круглый стол» // Отечественная история. 2001. №3.

² Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в.: Энциклопедия. М., 1996.

³ Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992.

⁴ Гросул И.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацлло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. С. 8, 386, 423.

⁵ Суворин А.С. Дневник. М., 1992. С. 208.

⁶ См.: Конягин М.Ю. Шараповские затеи // Былое. 1995. № 4; Он же. «Россию ожидает неминуемая финансовая катастрофа»: записка С.Ф. Шарапова, поданная на Высочайшее имя // Источник. 1996. №4.

⁷ Вестник Союза русского народа. 1910. 11 февраля.

⁸ Шарапов С.Ф. Неопознанный гений: Памяти Н.П. Гилярова-Платонова // Шарапов С.Ф. Соч. Т.VIII. М., 1902. С. 85.

⁹ Правые партии. 1905?1917: Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. (1905–1910). М., 1998. С. 670.

¹⁰ См.: Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 77.

¹¹ См. подробнее: Конягин М.Ю. Воззрения С.Ф.Шарапова на кредитно-финансовую систему России // Статья деп. в ИНИОН РАН 03.07.1995 г. №50564.

¹² Суворин А.С. Дневник. С. 340–341.

¹³ Правые партии. 1905?1917: Документы и материалы. Т. 1. С. 8.

¹⁴ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 180.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Правые партии. 1905?1917: Документы и материалы. Т. 1. С. 670.

¹⁷ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 209.

¹⁸ Там же. С. 385.

¹⁹ Правые партии. 1905–1917: Документы и материалы. Т. 1. С. 670.

²⁰ Там же. С. 211, 227.

²¹ Там же. С. 670.

²² Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909. С. 51.

²³ Там же. С. 177.

²⁴ Там же. С. 327–329.

²⁵ См.: Шарапов С.Ф. Через полвека: Фантастический политико-социальный роман // Шарапов С.Ф. Соч. Т.VIII. М., 1902; Он же (под псевд. Л. Семенов).

Диктатор: Политическая фантазия. М., 1907; *Он же* (под псевд. Л. Семенов). Иванов 16-й и Соколов 18-й. М., 1907; *Он же* (под псевд. Л. Семенов). У очага хищений. М., 1907; *Он же* (под псевд. Л. Семенов). Кабинет диктатора. СПб., 1909.

²⁶ См.: Бугров В.И. 1000 ликов мечты. О фантастике всерьез и с улыбкой. Свердловск, 1988. С. 131.

²⁷ Шарапов С.Ф. Через полвека: Фантастический политико-социальный роман // Шарапов С.Ф. Соч. Т.VIII. М., 1902. С. 3–4.

²⁸ Там же. С. 13.

²⁹ Там же. С. 33, 34.

³⁰ Там же. С. 34, 35.

³¹ Там же. С. 60, 61.

³² Там же. С. 18.

³³ Там же. С. 28, 36.

³⁴ Там же. С. 24, 31–33.

³⁵ Там же. С. 62, 63.

³⁶ Там же. С. 63–65.

³⁷ Там же. С. 68, 69.

³⁸ Там же. С. 46–48.

³⁹ Там же. С. 47, 48.

⁴⁰ Там же. С. 49, 50.

⁴¹ Там же. С. 36.

⁴² Там же. С. 37.

⁴³ Там же. С. 69–79.

⁴⁴ Там же. С. 50–59, 77.

⁴⁵ Беллами Э. Через сто лет. Фантастический роман. СПб., 1889. С. III.

⁴⁶ Россия в изгнании: Судьбы русских эмигрантов за рубежом. М., 1999. С. 179.

⁴⁷ Там же. С. 124, 384.

⁴⁸ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 232.

⁴⁹ Краснов П.Н. За чертополохом. Роман-фэнтези. М., 2002.

⁵⁰ Краснов П.Н. За чертополохом: Фантастический роман в 2-х книгах. Кн. 1. Библиотека новейшей литературы. Т. XLVII. Рига, 1928; Кн. 2. Библиотека новейшей литературы. Т. XLVIII. Рига, 1929.

⁵¹¹ Краснов П.Н. За чертополохом. Кн. 1. С. 36.

⁵² Там же. Кн. 1. С. 98; Кн. 2. С. 10, 52.

⁵³ Там же. Кн. 1. С. 112; Кн. 2. С. 11.

⁵⁴ Там же. Кн. 1. С. 112.

⁵⁵ Там же. Кн. 1. С. 166, 173, 184; Кн. 2. С. 21, 62.

⁵⁶ Там же. Кн. 1. С. 97; Кн. 2. С. 15, 115.

⁵⁷ Там же. Кн. 1. С. 175; Кн. 2. С. 28, 62, 63, 64.

⁵⁸ Там же. Кн. 2. С. 35, 64, 126, 155.

⁵⁹ Там же. Кн. 2. С. 64, 69, 88.

⁶⁰ Там же. Кн. 1. С. 99; Кн. 2. С. 25.

⁶¹ Там же. Кн. 1. С. 127; Кн. 2. С. 16.

⁶² Там же. Кн. 1. С. 63, 64.

⁶³ Там же. Кн. 2. С. 57.

Ю. В. Клюкина
СТАРООБРЯДЦЫ И
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ (1905–1917)*

**Попытки политического объединения
старообрядцев: от центра к провинции**

Во время революции 1905–1907 гг. политическая атмосфера в стране совершенно изменилась. Ослабление цензуры, появление сотен новых газет и журналов, созыв Государственной думы, публичное обсуждение наиболее острых политических вопросов способствовали стремительной политизации российского общества¹. В этой обстановке желание обозначить себя в политическом пространстве, заявить о своих взглядах возникло и у старообрядцев, в особенности у тех, кто принадлежал к претендующему на лидерство в старообрядческом мире белокрыницкому согласию. Инициаторами дискуссий на политические темы были в основном московские и нижегородские деятели².

На VI Всероссийском съезде приемлющих «австрийское» священство (2–5 августа 1905 г., Нижний Новгород) планировалось обсуждение «положения старообрядчества в связи с указом 17 апреля и общим современным положением». Однако по требованию нижегородского губернатора этот вопрос был исключен из программы и остался без рассмотрения. Поэтому сразу же после окончания съезда, не разъезжаясь, его участники устроили частные собрания, в результате которых в течение четырех дней была выработана развернутая политическая программа³. В ее обсуждении принимали деятельное участие ведущие начетчики этого согласия: братья В.Е. и Ф.Е. Мельниковы, И.К. Перетрухин, Н.Д. Зенин, И.И. Захаров, В. Г. Усов (с 1909 г. ставший одним из руководителей Свято-Троицкой общины в Екатеринбурге) и др. Был разобран по пунктам Указ 17 апреля 1905 г. о веротерпимости, который, по мнению большин-

* Статья подготовлена при поддержке программы Министерства образования РФ «Университеты России».